

КОНРАД ЛОРЕНЦ И АБРАМ ИЛЬИЧ ФЕТ

При поисках полезной информации в Интернете мое внимание привлекла рецензия на книгу под названием «Инстинкт и социальное поведение» за авторством А.И. Фета. Ее авторы В.Я. Фет, специалист по систематике пауков и скорпионов и М.Д. Голубовский¹, исследователь генетики мух дрозофил дают в высшей степени позитивную, чтобы не сказать восторженную оценку книги.

Они пишут: «Книга “Инстинкт и социальное поведение” – редкий в наше время опыт соединения, казалось бы, несовместимых академических областей, предметов, которые “проходят в разных учебниках”: сочетания биологической основы человека (инстинктивного, врожденного, унаследованного от приматов, генетически контролируемого поведения) и исторического опыта, накопленного человеческой культурой. Испокон веков религиозные деятели, философы, ученые объясняли “природу человека”, все по-своему. Казалось бы, давно и радикально разошлись дороги социальных и биологических исследований, Маркса и Фрейда. Но А.И. Фет, вслед за Лоренцом, убежден, что *«природа» человека и человечества есть результат особых, закономерных изменений биологических инстинктов предкового стада — его социальных инстинктов»* (курсив мой – Е.П.).

Упоминание Конрада Лоренца здесь не случайно. В письме А.И. Фета, адресованном Р.Л. Берг он благодарит ее за то, что она познакомила его с книгой этого автора "Агрессия, или Так называемое зло". Он пишет: «Эта книга, которую Вы мне дали почитать в 1963 году, в год издания оригинала, за что я безмерно Вам благодарен. Может быть, Вы помните, что я задал Вам, возвращая книгу, риторический вопрос: “Понимаете ли Вы, что это за книга?”, на что Вы ответили: “Понимаю”». «С тех пор, – продолжает Фет, – Лоренц был постоянным спутником моего мышления о человеческих и общественных делах».

Узнав о существовании «новой науки этологии», А.И. Фет решил, что «только она открывает путь к синтезу двух взаимодействующих систем наследственности, генетической и культурной. Конрад Лоренц в своих работах, прокладывающих новые пути в науке, внёс неоценимый вклад в самопонимание человека, сравнимый лишь с открытиями Дарвина. Лоренц показал, каким образом из инстинкта внутривидовой агрессии произошло узнавание индивида, а затем все высшие эмоции животных и человека, в том числе такие *специфические эмоции человека, как дружба и любовь»* (Фет, [2005] 2001; 21-22; курсив мой – Е.П.).

---

¹ Автор книги «Век генетики: эволюция идей и понятий» СПб.: Борей Арт, 2000. 262 с.

Вот как сам ее автор оценивает ее содержание. «Предметом этой книги является реакция на “социальную несправедливость”, проходящая через всю историю и получившая название “классовой борьбы”. Классовая борьба возникает вследствие ряда причин, биологических и культурных, взаимодействие которых я пытаюсь описать. Моя главная цель – выяснить *действие социального инстинкта* в человеческом обществе, описать условия, фрустрирующие его проявления, и объяснить последствия всевозможных попыток подавить *этот неустрашимый инстинкт*. Я начинаю с описания системы инстинктов человека с точки зрения этологии, отмечая специфически человеческие черты этих инстинктов, единственные в животном мире. Затем я рассматриваю *биологическую составляющую истории* на известном материале, который, по-видимому, никто ещё не пытался истолковать с этой стороны» (Фет, [2005] 2009: 22; курсив мой – *Е.П.*).

Если бы А.И. Фет более сдержано относился к своему кумиру, он бы принял во внимание критические оценки, которые уже в те годы были высказаны в адрес построений Лоренца специалистами в области социальной антропологии и психологии.

Один из наиболее ярких экспертов в сфере гуманитарных знаний, немецкий социолог, философ, социальный психолог и психоаналитик Эрих Фромм писал о взглядах К. Лоренца: «... его понимание человека не выходит за рамки знаний среднего буржуа. Он не расширял свой кругозор в этой области ни систематическими наблюдениями, *ни изучением серьезной литературы*. Он наивно полагал, что наблюдения за самим собой или за своими близкими и знакомыми можно перенести на всех остальных людей» (Фромм, 1994: 37).

«То, как Лоренц описывает нормальное человеческое поведение, совершенно обескураживает!» – восклицает Фромм и продолжает: «...с научных позиций недопустимо бездоказательно объявлять воинственность универсальным врожденным свойством «человеческой натуры», а жестокости, совершаемые во время войны, объяснять первородным инстинктом борьбы на базе весьма сомнительной аналогии с рыбами и птицами» (там же: 32).

Что касается представлений Лоренца о внутривидовом отборе на агрессивность в эволюции наших далеких предков, то Фромм комментирует их так: «...представление о постоянной войне между “дикими” охотниками и собирателями плодов, земледельцами с момента появления “современного человека” (где-то около 40–50 тысячелетий до нашей эры) — одно из распространенных клише, которое К. Лоренц берет на вооружение, *вовсе не принимая во внимание исследования, опровергающие этот стереотип*» (там же: 35). О том же антрополог Эшли Монтегю из Принстонского

университета писал: «Сказанное Лоренцом на эту тему — типичная смесь необоснованных предположений, мнимых утверждений, ошибочных выводов и произвольных умозаключений» (Montagu 1974: 1).

О точке зрения Фромма А.И. Фету было хорошо известно, но он легко обошел это обстоятельство, которое бы насторожило любого серьезного ученого и создало бы проблему в плане весомости его аргументации. Но наш автор не стал переживать по этому поводу. Он не только проигнорировал мнение профессионала, но еще и упрекнул его в непонимании сути дела. На с. 542 его книги читаем: «Фромм даже в конце жизни не понимал значения инстинкта внутривидовой агрессии и начал *некомпетентную полемику* с Лоренцем. В нашей книге, напротив, инстинктивным мотивам человека уделяется главное внимание. В отличие от психоаналитиков, сосредоточивших свой интерес на половом инстинкте, и тем самым на проблемах индивида, мы занимаемся главным образом *социальным инстинктом*, определяющим, вместе с *инстинктом внутривидовой агрессии*, общественное поведение людей».

Здесь автор мимоходом говорит и о своем отношении к Фрейду: «Психоаналитики, прежде всего Фрейд и Фромм, часто ссылались на инстинкты, но мало о них знали... Они не понимали как действуют инстинкты в психике индивида и в жизни сообщества». Разумеется, этолог-зоопсихолог Лоренц и математик А.И. Фет всем им дадут фору в понимании роли инстинктов в поведении людей!

Уяснить канву содержания книги объемом 574 с. нам помогают авторы предисловия к ней². Вот что они пишут. «Автор доказывает, что представления людей о справедливости сложились еще при племенном строе, когда все члены общества совместно владели природным участком... Это совместное владение соответствовало *инстинктивно обусловленным правилам племенной морали* и поэтому во всех племенах считалось “справедливым”. Появление государства, сословий и частной собственности было для человека страшной катастрофой, так как вело к появлению социального неравенства и воспринималось как социальная несправедливость».

Здесь Фет принимает основополагающую гипотезу: “Реакция на “социальную несправедливость” стимулируется социальным инстинктом человека, непосредственным образом вызывается всеми видимыми отклонениями от племенной морали, адресатом же её является асоциальный паразит”. Это понятие ввёл Лоренц, но

---

² Гладкий А. В. – советский математик и лингвист, доктор физико-математических наук, профессор; Л.П. Петрова – кандидат экономических наук; Р.Г. Хлебопрос – советский и российский физик, биофизик и эколог, доктор физико-математических наук.

не успел его систематически исследовать и ограничился рассмотрением одной очень специальной формы асоциального поведения – преступлений против личности. Фет значительно расширил диапазон этого явления, причислив к асоциальным паразитам всех, кто стремится только к собственной выгоде – не только лентяев и трусов, но и людей, присваивающих себе чужой труд или природную и интеллектуальную ренту: *рабовладельцев, жрецов, помещиков, капиталистов* и т. д. Он полагает, что “любое явление асоциального паразитизма, о котором человек узнаёт, вызывает в нем *инстинктивную реакцию протеста*³ и стремление к устранению этого явления”. И обстоятельно прослеживает, как проявлялась реакция на социальную несправедливость в ходе человеческой истории, используя обширный хорошо известный материал, который до него никто еще не пытался истолковать в таком аспекте. Эти исторические главы убедительно демонстрируют *неустрашимость инстинктов*, которые в зависимости от различных культурных традиций принимают бесконечно разнообразные формы.

В спокойное время они находятся под контролем культуры, но всегда неизбежно и резко проявляются в периоды социальной неустойчивости (во время войн, революций, голода и т. д.) и упадка культуры. Для анализа таких ситуаций он использовал математическую теорию катастроф.

Фет так свободно владеет историческим материалом и так умело выстраивает форму, что исторические главы книги превращаются в *блестящий очерк истории человеческой культуры под совершенно новым углом зрения – этологическим*.

Историю происхождения человека лишь недавно начали изучать, и нет никакой “общепринятой” концепции этой истории, есть лишь более или менее правдоподобные гипотезы⁴. Рассматривая происхождение человека с точки зрения развития двух основных инстинктов – социального и внутривидовой агрессии, – Фет выдвигает ряд оригинальных и прекрасно аргументированных гипотез, которые позволяют построить весьма убедительную модель происхождения вида *Homo sapiens*».

Сказанное объясняет присутствие в книге под названием «ИНСТИНКТ и социальное поведение» таких глав, как, например, «Рынок и современная цивилизация», «Начало капитализма», «Русская революция и коммунизм». Вероятно,

---

³ В предисловии ко второму изданию книги Фета авторы приписывали эту реакцию действию «инстинкта социальной справедливости». В цитируемом мной тексте (издание 2015 года) они отказались от этой формулы, осознав, вероятно, всю ее нелепость.

⁴ Это довольно опрометчивое высказывание, которое указывает на незнакомство авторов с поистине необъятной научной литературой по археологии и по ранним этапам эволюции гоминид, накопленной ко второму десятилетию XXI века.

как полагают авторы предисловия, все эти темы фундаментального содержания подаются Фетом «под совершенно новым углом зрения – этологическим».

И об этом говорится в 2015 году, через много лет после того, как этология в рамках концепции Лоренца практически перестала существовать. Как пишут Д.А. Леонтьев и Е.Ю. Федорович⁵ (2019), «...понятие инстинкта как врожденного внутреннего мотивационного источника поведения “оказалось не у дел” уже в 1950-е годы даже в объяснении поведения животных». Несколько позже, в 1979 г. на симпозиуме, где И. Айбл-Айбесфельдт – последователь Лоренца выступил с тезисами из концепции своего учителя, этолог Дж. Хейлмен резюмировал в ответ, что «”этология”, которую тот проповедует, это не “этология с большой буквы”, а австро-германский вариант этологии, основные положения которой современная наука давно уже переросла». См также Панов, 2005.

При чтении книги Фета бросается в глаза резкий контраст между изложением исторических фактов, детализированным и насыщенным богатым содержанием, и наивными отступлениями в сферу, которую я именую *псевдогенетикой* (Панов, 2017: 36-37).

Вот типичный пример ее использования автором книги, о которой идет речь. «Я предлагаю некоторую гипотезу о специфическом проявлении социального инстинкта у человека – никоим образом не претендуя на приоритет, но принимая на себя ответственность за её применения. Специфический для человека социальный инстинкт я называю инстинктом внутривидовой солидарности. Я предполагаю, что этот инстинкт образовался *путём мутации из первоначального социального инстинкта приматов, стимулировавшего сплочённость и взаимопомощь членов обезьяньего стада.* Как было сказано выше, эта мутация сделала возможным распространение такого поведения с первоначальных [малых] групп на большие... Первое расширение этого инстинкта состояло в перенесении его на членов “своего” племени. Как только индивид узнавался как “свой”, по отношению к нему проявлялся *тот же* социальный инстинкт. *Благодаря этой мутации* могли возникнуть более многочисленные сообщества – племена».

Этот прием жонглирования понятиями генетики весьма характерен для того жанра литературы (по большей части околонуточной), который Фромм назвал *инстинктивизмом*. Публикации такой направленности посыпались как из рога

---

⁵ Д.А. Леонтьев – заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации; Е.Ю. Федорович – старший научный сотрудник кафедры общей психологии факультета психологии.

изобилия вскоре после выхода в свет книги Лоренца «Об агрессии...», в 1960-е годы, то есть как раз тогда, когда над своим трудом работал А.И. Фет. Все эти публикации, включая и последнюю, отличает тенденция к редукционизму. Суть его – в попытках объяснить происходящее на высоких уровнях организации живого (популяция, социум) через события более низких уровней (в нашем случае, инстинктом как неким свойством индивидов), которые подчиняются принципиально иным закономерностям (там же: 19-30).

Именно такой теоретически фон оправдывает появление в тексте сентенций следующего характера. «Классовая борьба, в основе которой лежит *социальный инстинкт* и связанный с ним *инстинкт устранения асоциальных паразитов*, стала неизменным содержанием истории, усиливаясь в периоды нужды и военных бедствий» (с. 528) Или: «Христианство стало формой *распространения социального инстинкта* на всё человечество» (с. 556); Или о мотивах рыночного поведения: «...стремление продать подороже и купить подешевле каждому непривычному человеку кажутся неблагоприятными, и даже низменными [так ли?]. От таких интуитивных оценок отнюдь не следует отмахиваться, поскольку они *инстинктивны*, как и вся *племенная мораль*, которую мы бессознательно носим в себе (с. 310; во всех случаях курсив мой – Е.П.).

Подобные пояснения, которые, по мысли автора, должны раскрыть *истинный глубинный смысл* обыденных либо исторических событий для тех, кто не знаком с «биологической революцией в философии, произведенной Лоренцом»⁶, повторяются и педалируются в книге с завидной регулярностью, комментируя каждый раз предшествующий либо последующий текст строго исторического содержания. Автор словно опасается, что читатель, увлекшись чтением такого отрывка, транслирующего позитивное знание, упустит из виду центральный пункт повествования, именно идею неустранимости инстинктов из психики современного человека.

В книге сказано немало и о становлении культуры в эволюции человека (глава 4, с. 107-123). Впрочем, здесь трактовки автора не всегда полностью совпадают с общепринятыми⁷. Вдобавок к ним он склонен акцентировать некие сопутствующие *перестройки инстинкта*. Так на с. 118 читаем: «Длинные цепочки инстинктивных действий, запрограммированные для определённых ситуаций и запускаемые у животных в виде непрерывных последовательностей, у человека разделились на короткие отрезки, соединяемые его сознательными решениями или выработанными

---

⁶ С. 23.

⁷ Стандартная трактовка такова: постепенный процесс приобретения знания (позитивного либо мистического, виртуального) в онтогенезе индивида и его распространения вширь по ходу истории социума. Эта логическая канва на с. 131-137 (Раздел «Общие закономерности развития культур») теряется в множестве частных примеров.

привычками. Эти специфически человеческие изменения инстинктов делают поведение человека более гибким, но такое преимущество сопровождается опасностью: действие инстинкта, утратившего свою жёсткость, может оказаться ненадёжным. Так было, несомненно, уже в первоначальных человеческих группах. Самые важные решения, от которых зависело выживание группы, *не могли быть предоставлены зачаточным мыслительным способностям первобытного человека*, и культурная эволюция выработала твёрдые правила, прежде всего, устанавливавшие, что можно делать, и чего делать нельзя».

А вот другой пример тех же представлений. «Как мы уже знаем, у человека действие инстинктивных механизмов во многих отношениях нарушено. Мы уже видели, каким образом запрет убивать собратьев по виду, имеющийся у всех приматов⁸, сузился у человека до членов собственной группы, а затем расширился на более многочисленный коллектив – племя. По-видимому, эти изменения в поведении были обусловлены *генетически*⁹; но чем сложнее и чем “новее” инстинкты, тем труднее их осуществление, и тем чаще при этом происходят “сбои”. Это тем более относится к *культурным подпрограммам, заполняющим открытые программы инстинктов*, например, к “запрету убийства”. Глобализация этого правила, *постепенно возвращающая нам “мораль” всех высших животных, до сих пор не завершена (!?)*» (там же).

Учитывая тот факт, что основной профессией А.И. Фета была высшая математика а не психология и культурология, ему можно было бы простить преклонение перед Лоренцом в его роли пророка в человековедении. Но, к величайшему сожалению, это увлечение идеями Лоренца привело к очевидной деформации текста из-за привлечения надуманной теоретической установки, целиком заимствованной автором у своего кумира¹⁰. В самом названии книги слово «инстинкт» требовательно нависает над ее общей конструкцией. Между тем, внимательно читая книгу, я пришел к заключению, что все сказанное по этому поводу выглядит чужеродным элементом, неубедительным

---

⁸ Это неверно. Запрет убивать собратьев по виду – это выдумка Лоренца, проповедовавшего т.н. «мораль высших животных», о которой говорится в конце цитаты. Уничтожение детенышей при смене лидера прайда – стандартная ситуация в популяциях львов (Bertram, 1976). Обзор явлений детоубийства у млекопитающих вообще и у приматов в частности см. Hrdy, 1979. О случаях детоубийства и каннибализма у шимпанзе см. Панов, 2017: 94.

⁹ Скорее в результате накопления рациональных знаний и, соответственно, сознательных изменений нравственных установок. Как, скажем, переход в раннем христианстве от нормы «зуб за зуб» к «золотому правилу»

¹⁰ А.И. Фет перевел на русский язык книги К. Лоренца. «Так называемое зло», «8 смертных грехов цивилизованного человечества», «Оборотная сторона зеркала».

и контрастирующим своим явным анахронизмом с богатым содержанием логически выстроенного текста.

Классик психологии Д.Б. Уотсон писал: «Как с точки зрения здравого смысла, так и на основании лабораторных экспериментов очевидно, что в жизни особи, ее наследственные и приобретенные виды деятельности, очень рано начинают перекрывать друг друга. Эмоциональные реакции совершенно отделяются от стимулов, которые их первоначально вызывали, а стремления к инстинктивным положительным реакциям, проявляемые ребенком, *скоро заслоняются организованными навыками взрослого*. Этот процесс маскирования или внедрения деятельностей является частью общего процесса организации [культурно обусловленного поведения – *Е.Н.*] (Уотсон [1926] 1998: 459).

На уровне социальных отношений между взрослыми членами общества даже наиболее влиятельный половой инстинкт¹¹ строго контролируется сложнейшей системой запретов, выстроенных на субстрате *символики*. Тем сложнее допустить, что какие-то инстинктивные факторы могут оказывать влияние на становление религиозных представлений, законодательного кодекса или влиять на процессы товарообмена. Совершенно очевидно, что здесь все определяется свободой воли людей, их творческими потенциями и имманентным ростом человеческой креативности.

---

¹¹ Показательны следующие наблюдения Дж. Уотсона. «Мы имели уже случай рассмотреть некоторые из факторов в связи с эмоцией любви и указывали там: каким образом могут вырастать привязанности (условные рефлекс) к лицам и предметам, которые стимулируют эрогенные зоны ребенка, как, например, при купании, качании и ласках. Мы имеем здесь дело, впрочем, с первоначальным родом навыков, а не с инстинктами. По-видимому, первоначально не существует склонности приближать руки к половым органам, тогда как наблюдается стремление приближать руки ко рту. В пятистах, приблизительно, наблюдениях над младенцами в возрасте от рождения до трехсот дней мы никогда не замечали никакой инстинктивной склонности со стороны ребенка приближать руки к половым органам. Наблюдение показывает, что если даже ребенка ущипнуть или почесать его подошву, то существует стремление поднять руки вверх к лицу и редко вниз. Встреча с половыми органами кажется чем-то вроде истинного открытия, вроде находки ног и пальцев ноги, которая происходит, конечно, много раньше (в возрасте 150 дней)» Уотсон,[1926] 1998: 525.

ЛИТЕРАТУРА

- Леонтьев Д.А., Федорович Е.Ю. 2019. Миф об инстинкте. Человек 30(4): 53-71.
- Панов Е.Н. 2005. Судьбы сравнительной этологии. Зоол. журн. Наука. 84(1): 104-122.
- Панов Е.Н. 2017. Человек – созидатель и разрушитель. Эволюция поведения и социальной организации. 634 с.
- Уотсон Д.Б. [1926] 1998. Психология как наука о поведении. С. 251-672 в сб. «Основные направления психологии в классических трудах. М.; Л: Изд. Научная книга, 1998.
- Фет А.И. 2008. Инстинкт и социальное поведение. Новосибирск, Сова, 2008 (второе издание, 720 с.).
- Фет А.И. 2015. Инстинкт и социальное поведение. Собрание сочинений в 7-ми томах Т. 1. 585 с. Rehoboth, New Mexico, USA.
- Фет В., Голубовский М. 2009. А.И. Фет и его книга «Инстинкт и социальное поведение» Мосты № 21. 2009: 2-10.
- Фромм Э. 1994. Анатомия человеческой деструктивности. М. Республика 280 с.
- Bertram B. 1976. Kin selection in lions and in evolution. In *Growing Pains in Ethology*: 281-301. (Bateson P.P.G., Hinde R.A. eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press/
- Hrdy S.B. 1979. Infanticide among animals: A review, classification, and examination of the implications for the reproductive strategies of females. *Ethology and Sociobiology* 1: 13-40.